

КОЛИН УИЛСОН

МИР
ПАУКОВ

МАГ
СТРАНА ПРИЗРАКОВ

Издательство АСТ
Москва

MAT

Посвящается Ровану

Предисловие

Среди полной опасностей пустыни живет в пещере человеческая семья. На планете господствуют огромные пауки-телепаты, они разводят людей как скот и пожирают. Летая по небу на воздушных шарах, они ищут и вылавливают последних «диких» людей.

В числе этих немногих юный Найл, он мечтает принести однажды гибель паукам и свободу — людям.

В сотнях миль к северу лежит Великая Дельта — по слухам, это самая опасная территория на планете. Но там, возможно, найдется сок ортиса — снадобье, без которого семье несдобровать. Из похода в Дельту не вернулись дядя и двоюродный брат Найла, они стали жертвами человекоядного растения.

Овдовевшая Ингельд хочет вернуться на родину, в подземный город Диру, что рядом с большим соленым озером, и Найл со своим отцом Улфом соглашаются проводить ее. В Дире Найл влюбляется в прелестную принцессу Мерлью, дочь Каззака, и испытывает соблазн остаться. Но однажды он подслушивает разговор, в котором Мерлью нелестно отзывается о его внешности, и, разочарованный, решает идти домой с отцом.

На обратном пути они вынуждены укрыться от песчаной бури в развалинах крепости. Там Найл убивает паука-смертоносца и тем самым навлекает на свою семью месть могущественных врагов. Вскоре его отец гибнет, а мать, брата и сестер похищают пауки.

Найл устремляется на выручку, но и сам вскоре попадает в плен.

Их везут морем, и по пути юноше доводится спасти одного из восьмилапых недругов, смытого за борт штормовой волной. Благодаря этому семья встречает в паучьем городе относительно неплохой прием, ей отводят уголок во дворце Каззака, сделавшегося для пауков союзником и помощником. Там Найл узнает о проведенном пауками биологическом эксперименте — им удалось создать породу людей с мизерным умом, тупых и покорных рабов, не способных взбунтоваться против хозяев.

Узнав о том, что Каззак предал свой народ, Найл покидает дворец и проникает в таинственную Белую башню, господствующую над центром города. Она оказывается капсулой времени — когда-то люди решили поведать потомству о том, как бежали с Земли в страхе перед ударом радиоактивной кометы Опик.

В башне обучающая во сне машина знакомит Найла с историей человечества до катастрофы. Также он узнает, что центр силы, создавшей огромных насекомых и пауков, лежит в Дельте. Эту силу пауки именуют богиней Нуадой.

Покинув Белую башню, Найл находит пристанище в невольничьем квартале, чьи жители превращены восьмилапыми селекционерами в имбецилов. Найл ухитряется получить должность десятника и с бригадой золотарей направляется в расположенный поблизости город жуков-бомбардиров и там встречает Билла Доггинза, специалиста по взрывам. Жуки от фейерверков без ума, и задача Доггинза — регулярно обеспечивать им это развлечение.

Найл появляется аккурат в тот день, когда Доггинз устраивает грандиозное шоу. Случайно уничтожен весь запас взрывчатки, и Доггинз вынужден возглавить экспедицию в паучий город на поиски легендарного склада в заброшенных казармах.

Итог превосходит самые смелые мечты Доггинза и Найла. Они обнаруживают ящики с автоматическими лазерными расщепителями. Легендарный «жнец» — одно из самых жутких орудий убийства, придуманных людьми. Внезапно появляются восьмилапые, и люди бегут от них на украденном паучьем шаре и возвращаются в город жуков, уже осажденный пауками. Здесь «жнецы» оказываются как нельзя кстати. Запаниковавшие пауки идут на хитрости и угрозы, добиваясь от Найла уничтожения

чудо-оружия. Но юноша, вместо того чтобы подчиниться, отправляется в Дельту, решив разделаться с источником силы.

Вскоре выясняется, почему Дельта имеет репутацию едва ли не самого опасного места на Земле. Отряд быстро тает, и добраться до подножия высокого холма — источника силы — удастся только Найлу и Доггинзу. На холм же Найл поднимается и вовсе в одиночку — и выясняет, что богиня Нуада на самом деле исполинское растение, прибывшее из другой галактики в хвосте кометы Опик.

Когда Найл возвращается в город жуков, его арестовывают и выдают паукам. Страшная встреча со Смертоносцем-Повелителем едва не заканчивается для него гибелью. Но в критический момент вмешивается богиня, заполняя комнату дивным голубоватым светом. Повелитель, уверовавший в богоизбранность Найла, уступает его требованию дать людям свободу. А затем Найл совершенно неожиданно оказывается правителем паучьего города.

Часть первая

УБИЙЦЫ

Незадолго до рассвета Найл проснулся от холода — такого пронизывающего, что вспомнилась ночь в пустыне. Простыни сбились вокруг лица, а от дыхания на одеяле образовался кружок влаги. Эту комнату Найл выбрал потому, что она выходила окнами на восток, а ему нравилось просыпаться вместе с солнцем. Сегодня солнца не было. Рассвет проплавлился сквозь серую туманную пелену, пока комнату не залил холодный, ровный свет. И птиц не было слышно.

Что-то в этой странной тишине настораживало. Найл, ступая по мягкому шерстяному половику, прошел по комнате к окну, и глазам неожиданно открылся пейзаж. Белые крыши, словно горные вершины, терялись в перламутрово-сером небе, и огромная площадь была, как ковром, покрыта той же безликой белизной. Даже вон углы оконных рам прихватило: снаружи к стеклу пристыло несколько мелких снежинок.

Найл знал о снеге понаслышке и из книг, но своими глазами видел его впервые. Он и представить себе не мог ничего подобного: эдакая хладная, чудесная белизна, словно одеялом устилающая Вселенную. Душа внезапно наполнилась неизъяснимым светлым волнением — тем самым, что на протяжении скольких уже поколений (даром что Найл того и не знал) при виде первого снега наполняет трепетом детские сердца.

Одержимый желанием коснуться этого странного белого покрова, Найл натянул поверх туники овчину, сунул ноги в отороченные кроличьим мехом башмаки и поспешил из комнаты. Во дворце тишина, коридоры пусты: Найл обычно просыпался первым. Поднявшись по лестнице на верхний этаж, он миновал

спальню, где спали двоюродная сестра Дона и сестренки Руна с Марой, и стал взбираться по узкой лесенке, ведущей на крышу. Стоило открыть дверь, как вниз свалился ком снега и, забившись в обувь, сердито защищал босые ступни. Найл, невольно вскрикнув, отпрянул: он не представлял, что снег может быть таким холодным. Затем один за другим снял башмаки и вытряхнул забившийся туда снег, мех теперь был льдисто-холодным и влажно льнул к щиколоткам. Утренний воздух, напротив, казался на удивление теплым; это потому, что не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра.

Снег ровным толстым слоем покрывал скат кровли до самого парапета, при ходьбе под ногами звучно поскрипывало. Зачерпнув пушистую массу обеими ладонями, Найл сжал ее в тугий комок, но холод обжигал пальцы, и снежок выпал из рук. Осмотрительно смахнув рукавом снег с парапета, он облокотился на него и так стоял, озирая молочно-белый покров, простиравшийся вплоть до дальних холмов. Отделяемая от дворца парком и площадью, виднелась Белая башня, с расстояния напоминающая вздетый перст из слоновой кости. Трава вокруг была припорошена снегом, так что на общем белом фоне башня не смотрелась уже так броско. Зато теперь выделялась река, змеящаяся по холодной плоскости чернильным изгибом; при одном лишь взгляде на нее становилось зябко.

Город словно опустел, на улицах ни души. И вот, когда Найл собрался уже вернуться в помещение, внимание неожиданно привлекло невнятное шевеление внизу на площади. Что-то темнело в северо-восточной ее части, издали смахивающее на вывороченный из земли куст. Тут Найл пригляделся внимательней и различил на снегу красные пятна. То, темное, шевельнулось еще раз, и тогда стало ясно, что это паук — судя по всему, тяжело раненный.

Найл заспешил вниз по лестнице, цепко хватаясь за перила: от налипшего снега подошвы предательски скользили. Мелькнул соблазн возвратиться в спальню, одеться потеплей, но ощущение неотложности пересилило. Он отодвинул засов центральной двери и ступил в глубокий снег, игнорируя холодную сырость, моментально образовавшуюся внутри башмаков. Ступени лестницы превратились в сплошной гладкий склон, так

что двигаться приходилось с особой осторожностью; в одном месте Найл упал и ушел в снег по самые локти. А когда, побарахтавшись, поднялся и нетвердо побрел через площадь, выбирая места, где снег помельче, ум занимал один вопрос: как смертоносец умудрился пораниться на этом широком, открытом со всех сторон пространстве?

Когда приблизился достаточно, паук его заметил и сделал судорожную попытку встать, но силы ему изменили и суставчатые лапы прогнулись под весом туловища. Черная ворсистая туша покрыта была снегом — очевидно, паук лежал здесь уже не один час. Найлу это показалось странным; пауки с их даром телепатии могут в случае чего послать мгновенный сигнал о помощи своим сородичам. А уж тут-то, в трехстах метрах от главной цитадели на том конце площади, и ушибиться не успеешь, как все уже должно быть слышно.

Приблизившись настолько, что уже можно было разглядеть туловище, Найл понял, почему паук не смог подняться. Три лапы у него были, по сути, разможжены; нижний сустав у одной из них, увенчанный черным когтем, держался вообще непонятно как. Стелющийся следом кровавый след, уже припорошенный снегом, свидетельствовал, что, прежде чем свалиться окончательно, паук еще пытался как-то волочиться. Было видно, что жизнь в нем уже угасает.

— Что случилось? — произнес Найл вслух, хотя знал, что мысленный импульс передается в мозг паука напрямую.

Ответ, раздавшийся внутри грудной клетки, заставил нервно поежиться: нечто болезненное, страдальческое, прямота же контакта заставила ощутить беспомощность и тяжелую тошнотную усталость существа — чувства, передававшиеся и самому Найлу. Что именно пытался сообщить паук, разобрать было невозможно, но «голос» этот Найл узнал сразу: Скорбо, начальник стражи. Теперь ясно, почему их контактная связь была такой невнятной и хаотичной. Для пауков общение с людьми — сложное искусство, все равно что для людей умение читать. По паучьим меркам Скорбо был неграмотным простолюдином, существом, основным достоинством которого в глазах начальства была грубая физическая сила и умение помыкать. У Найла этот тип всегда вызывал неприязнь, однако сейчас Скорбо был тяж-

ко ранен и погибал, и от этого сердце у Найла наполнилось жалостью.

— Я пошел за помощью, — коротко сообщил он.

Идти по снегу быстрым шагом было просто невозможно: ноги увязали по колено. Да еще и ступней не дерни: излишне резкое движение, и башмак так и останется в снегу. Брести вперед предстояло еще столько, что тоска охватывала, так что Найл намеренно отвел взор от снежной целины и стал с подчеркнутым вниманием относиться к каждому шагу. В конце концов приятной неожиданностью оказалось очутиться перед самыми ступенями паучьего обиталища. Обычно перед большими двустворчатыми дверями дежурят двое бойцовых пауков; очевидно, холод загнал их внутрь. Найл забарабанил по двери кулаками — не потому, что заперта, а просто врываться без предупреждения рискованно: могут напасть. С той стороны зашевелились, и дверь отворилась. На Найла смотрели антрацитово-черные глазищи бурого бойцового паука, ростом едва не на метр выше самого Найла. За растопыренными клещами-хелицерами можно было разглядеть сомкнутые клыки. Секунду спустя паук узнал пришедшего и плавно присел в жесте повиновения, опустив брюхо к полу.

— Скорее. — Найл указал в сторону площади, — Скорбо тяжело ранен. Ступайте и принесите его.

(Опять же можно было и без слов, значение передается в мозг паука напрямую.) В сопровождении напарника «боец» вприпрыжку припустил через площадь в сторону Скорбо (при эдакой силище что ему полуметровый слой снега). Понятно, что гнаться бессмысленно. Телом постепенно овладевала опустошенность. Так что Найл опустился на скамью, что возле входа, и наблюдал, как стражники бережно поднимают искалеченного сородича. Когда они возвращались, Найл обратил внимание, как, волочась, чертят по снегу лапы, и понял, что Скорбо мертв.

Тело паука опустили на пол, разбросав по черному мрамору хлопья снега. Скорбо по-прежнему истекал кровью. Она у него была гуще и вязче, чем человечесья, и растекалась медленно, будто лужа нефти, струясь из головы. Оглядывая лежащую наискось тушу, Найл заметил в черепе дыру, сантиметров на пятьде-

сят выше глаз, опоясывающих голову. В отличие от людей, у пауков нет внутреннего скелета, его функцию выполняет крепкая наружная оболочка. Череп Скорбо был проломлен ударом, из-за которого, судя по всему, откололся крупный осколок. Кровь вытекала из дыры, как из десны, откуда вырвали зуб. Что сбивало с толку, так это что осколки проломленной оболочки находились, похоже, в дыре, а такое может быть в том случае, если жуткой силы удар направлен сверху.

Бойцовые пауки громоздились рядом, не смея докучать распросами: может, расценивая их как непочтительность.

— Прошу вас, сообщите Дравигу, — обратился к ним Найл. — Скажите, что я дома.

Однако, пока пробирался по снегу обратно, любопытство преодолело усталость. Происшедшее представилось вдруг полным абсурдом. Судя по дыре в черепе, Скорбо должен вроде бы считаться жертвой нападения. Но кого? Другого паука? Маловероятно. Пауки, в отличие от людей, редко когда дерутся меж собой. Но и любой другой инцидент, повлекший ранение, представить было сложно.

Единственным способом выяснить все досконально было пойти и разобраться на месте. Развернувшись, Найл двинулся по своим следам обратно, пересекая площадь наискось в том месте, где «бойцы», проносясь, вспахали снег, словно гигантским плугом. Когда добрался до места, где лежал раненый Скорбо, стало ясно, как много он потерял крови. Вместе с ней из него, распростертого, в снег истекала жизнь. Мозг оказался поврежден настолько, что уже не в силах был послать сигнал о помощи. По восточной стороне улицы тянулся ряд пустых домов, один запущенней другого. В городе полно было таких зданий, во многих из них на верхних этажах обитали пауки. Но они предпочитали селиться с таким расчетом, чтобы между домами можно было простирать тенета; как раз поэтому дома, примыкающие к площади, пустовали.

Кровавый след был запорошен падающим снегом, но Найл нагнулся почти вплотную и различил смутно темнеющие пятна. Теперь можно было разобрать, что ведут они в обратную сторону, к высокому зданию, второму от угла. Ржавые решетки балконов давали понять, что когда-то здесь была гостиница. Как и

у прочих, окна у дома были заколочены досками, а дверь закрыта — жить в домах, выходящих на эту площадь, людям запрещалось. Найл попробовал открыть дверь — похоже, заперта. Вместе с тем, когда носком башмака он смахнул со ступеньки крыльца снег, обнаружилось темнеющее пятно; получается, в этом доме Скорбо и получил увечье. Попытался надавить на дверь плечом — не тут-то было, безрезультатно. А вот закрывающий окно лист фанеры оказался на поверку не таким прочным, стоило как следует толкнуть его обеими руками — и удалось продавить.

Найл осторожно подался вперед. Если внутри подкарауливает нечто (или некто), способное свалить паука, рисковать по меньшей мере глупо. Глазам открылась пустая передняя, деревянный пол которой был усеян кусками штукатурки и всяким хламом; пахло сыростью и гниением. Поняв, что напряжение вызывает восприятие, Найл намеренно расслабился, глубоко вздохнув и закрыв глаза; затем, достигнув внутреннего безмолвия, сосредоточился глубоко. Внутри черепа ожила точка света, а тишина будто углубилась. В этот момент с полной достоверностью стало ясно, что никаких врагов, поджидающих в засаде, нет — в доме абсолютно пусто. Одновременно с тем на каком-то более глубоком уровне он уловил и другой запах, терпкий и чуть сладковатый. Запах смутно знакомый, но за счет чего именно, уяснить было сложно.

Найл резко, с силой пихнул фанерный лист, отчего гвозди, скрепляющие лист с рамой, повывезли и лист свалился внутрь. Найл забрался в дом. К этой поре он уже сожалел, что не оделся теплее: руки и ноги основательно озябли. Но уж коли забрался, стоять и попусту глазеть тем более бессмысленно. Свет из окна освещал переднюю достаточно сносно. На пыльном, усеянном кусками штукатурки полу виднелись бисерины крысиного помета — явный признак того, что пауки в этом доме не обитают. Крысы у них почитаются за особый отменный деликатес, они часами готовы ждать в надежде поймать хоть одну.

Все в точности как предполагал: пол в кровавых пятнах, а по пыли и мусору можно судить, что раненый волочился по полу. Метины тянулись через переднюю, где возле полуосыпавшейся лестницы виднелась полуоткрытая дверь; получался приток све-